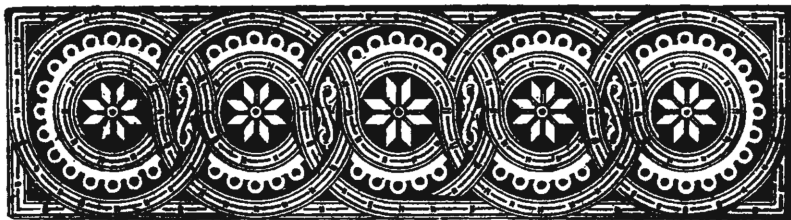

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО- ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ
АВГУСТЪ, 1911 Г.

ТАРАНЧИ И ДУНГАНЕ.

(Очерки изъ поѣздки по Семирѣчью).

ВЪТОМЪ 1909 г. мнѣ пришлось въ качествѣ переселенческаго чиновника изъѣздить значительную часть Семирѣченской области, составляющей сѣверо-восточную часть Туркестана. Поѣздка имѣла цѣлью выяснитъ существующіе обычаи и правила пользованія водою при искусственномъ орошеніи пашень, что имѣло важное значеніе для подготовки матеріаловъ къ изданію воднаго закона. Въ этихъ странахъ законъ о пользованіи водою не менѣе важенъ, чѣмъ законъ о землѣ.

Обиліе впечатлѣній, которыми была полна поѣздка по интересной красивой области, увеличивалось отъ близкаго соприкосновенія съ туземными обитателями ея: киргизами, таранчами, дунганями. Если большинство обитателей нашей великой родины мало знаетъ о киргизахъ, то о таранчахъ и дунганахъ оно могло и не слышать. Вотъ отчего могутъ оказаться небезынтересными даже маленькіе очерки объ ихъ бытовой обстановкѣ.

I

Отъѣздъ изъ города Вѣрнаго. — Исторія появленія таранчей и дунганъ въ Россіи.

Отправнымъ пунктомъ поѣздки былъ Вѣрный. Живописный, весь въ зелени, съ деревянными въ виду землетрясеній домами, искусно поддѣланными, однако, подъ камень, съ чуднымъ видомъ

на горы, вѣчно сіяющія вершины которыхъ никогда не могутъ надоѣсть,—Вѣрный не можетъ не поправиться, но... скучень онъ особенно лѣтомъ, когда вся интеллигенція уѣзжаетъ на дачи въ предгорье, скучень убійственно. Вотъ почему, какъ только всѣ приготовленія къ поѣздкѣ были сдѣланы, я рѣшилъ выѣхать вмѣстѣ со своимъ спутникомъ и товарищемъ по поѣздкѣ, студентомъ Б., въ роли переводчика. Выѣхали мы на земскихъ, оставивъ тяжелыя вещи на джигита—такъ называются здѣсь конные разсылные—и на подводчика. Они нагнали насъ на другой день.

Б., уроженецъ Семирѣчья, пріѣхалъ на лѣто съ тѣмъ, чтобъ отправиться въ экспедицію на Балхашъ, но такъ какъ это ему не удалось, то онъ рѣшилъ поѣхать со мной. Мы были мало знакомы и, начиная длинное путешествіе, мы не могли не сообщить другъ другу нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія. Тихій вечеръ располагалъ къ бесѣдѣ. Дорога шла по холмамъ, среди богатыхъ пашень и луговъ казачьей станицы, и легкій зефиръ, всегда по вечерамъ струящійся съ горъ въ долину, окружалъ насъ ароматомъ свѣже-скошеннаго сѣна и благоуханіями вечернихъ испареній.

Незамѣтно спустилась тьма, дорога потеряла начало и конецъ, мы стали дремать, когда шумъ горной рѣчки и стукъ копытъ и экипажа по мосту заставилъ насъ очнуться.

Мы вѣхали въ станицу Софійскую и остановились передъ земской квартирой. Было 11 часовъ ночи. Все кругомъ спало.

Дверь квартиры открыла огромная фигура казака-хозяина, мы машинально внесли свои вещи и не замѣтили, какъ заснули. Утромъ насъ ожидалъ пріятный сюрпризъ. Окна квартиры смотрѣли прямо на горы, и, проснувшись утромъ, я открылъ ротъ отъ изумленія. Въ отверстія оконъ и открытыхъ дверей вмѣстилась, какъ въ рамки, величественная, неописуемая картина. Одна на другую громоздились бѣлыя вершины, покоясь на мощныхъ черныхъ громадахъ, которыя подступали къ самому окну, угрожая своей страшной близостью и маня къ себѣ своей чудовищной силой. Это былъ Талгаръ, превышающій горы Альпъ и Кавказа, это была высшая точка Заилійскаго Алатау, куда еще не всходилъ ни одинъ дерзкій смертный.

Издали о высотѣ горъ трудно составить правильное представленіе. Мало-мальски вѣрное является лишь тогда, когда общая перспектива замкнута въ какую-нибудь рамку. Такъ, напримѣръ, если стать посреди улицы, идущей среди ряда высокихъ тополей, и тогда посмотреть на горы, расположенныя на горизонтѣ противъ васъ, то вы сразу замѣтите необычайную высоту горъ, которыя, несмотря на отдѣляющее ихъ разстояніе въ нѣсколько десятковъ верстъ, все же поднимаются на горизонтѣ выше великановъ-тополей. Такъ приблизительно было и въ тотъ моментъ, когда я проснулся въ Софійской. Видъ на горы замкнулся въ рамку, образо-

вавшуюся изъ отверстія дверей, и перспектива предстала во всемъ своемъ великолѣпіи, лишенная на минуту своего вѣчнаго соперника, безконечнаго простора голубого неба. Было еще рано, и вершины горъ, которыя днемъ окутываются облаками, сіяли еще своей ослѣпительной бѣлизною.

Въ станицу Софійскую мы пріѣхали для того, чтобъ изученіе водопользованья начать съ русскаго населенія. Атаманъ станицы, выборный казакъ въ чинѣ вахмистра, далъ дѣйствительно много цѣнныхъ свѣдѣній и помогъ составить удобный маршрутъ. Въ тотъ же день мы рѣшили выѣхать въ таранчинское селеніе, но прежде, чѣмъ пріѣхала подвода съ вещами (намъ нуженъ былъ главнымъ образомъ джигитъ), мы успѣли, по предложенію атамана, посѣтить сходъ казаковъ.

Посреди разставленныхъ кругомъ скамеекъ сидѣли за столомъ атаманъ и писарь. Когда мы пришли, атаманъ читалъ бумагу уѣзднаго начальника со множествомъ иностранныхъ словъ, на которыхъ языкъ атамана невольно заплетался. Бумага эта была скопирована безъ всякихъ измѣненій и объясненій съ обращенія организаторовъ ташкентской сельско-хозяйственной выставки (1909 г.), приглашавшихъ присылать гербаріи, энтомологическія коллекціи, типичныя почвы съ указаніемъ химическаго и физическаго состава и т. п. Разумѣется, бумага была прочитана и прослушана съ одинаковымъ непониманіемъ. Сходъ и атаманъ безпомощно молчали.....

Совсѣмъ иной видъ имѣлъ этотъ самый сходъ, когда черезъ нѣсколько минутъ онъ сталъ обсуждать станичныя, близкія всѣмъ присутствовавшимъ дѣла. Среди казаковъ много хорошихъ сельскихъ хозяевъ, много интеллигентныхъ лицъ, бывшихъ атамановъ— всѣ они говорятъ дѣльно и вѣско, ихъ слушать очень интересно.

Казаки наиболѣе культурный элементъ русскаго земледѣльческаго населенія, но они избалованы привилегированнымъ положеніемъ и потому отличаются лѣнью и нерѣдко эксплуатируютъ туземцевъ. Вотъ почему пришлось послѣ наслушаться жалобъ на нихъ со стороны киргизовъ и таранчей.

Въ тотъ же день мы попали въ первое таранчинское селеніе. Пока мы были на сходѣ, пріѣхала изъ города подвода съ вещами, а съ нею остальные спутники нашей поѣздки, джигитъ и подводчикъ.

Атаманъ прислалъ лошадей, далъ проводника, котораго, впрочемъ, мы скоро отпустили, и экспедиція началась. Пока читатель не вошелъ еще вмѣстѣ съ нами въ таранчинскую обстановку, слѣдуетъ познакомить его съ исторіей этого небольшого племени.

Въ 1854 году противъ власти богдыхана, именемъ котораго взымались тяжелыя подати хлѣбомъ съ сартовскаго племени таранчей, проживавшаго въ Кульджинскомъ районѣ, произведено

Видъ города Вѣрнаго.

было возстаніе. Къ возставшимъ таранчамъ присоединились мусульмане-китайцы (племя дунганъ), и Кульджа отложилаь отъ Небесной имперіи. Султаномъ избранъ былъ таранчинецъ Кебирбекъ Абиль-Оглы Ибрагимовъ. Однако офіціального существованія новой миниатюрной державы никто не признавалъ, и по первому поводу, невыдачѣ четырехъ каторжниковъ, бѣжавшихъ въ Кульджу, степной генералъ-губернаторъ Колпаковский ввелъ въ Кульджу русскія войска, оккупировавъ ее почти безъ сопротивленія. Это было въ 1871 году.

Черезъ десять лѣтъ Кульджу возвратили Китаю, чтобы уступками на западѣ получить реваншъ на востокѣ. Говорятъ, — впрочемъ, это популярный въ Туркестанѣ анекдотъ, сложившійся, быть можетъ, на почвѣ непониманія причинъ возвращенія Кульджи, — что русскій посолъ въ Китаѣ случайно сболтнулъ, будто императоръ Александръ II не прочь возвратить Китаю Кульджу. Когда на основаніи этихъ словъ посланника китайская миссія предъявила претензію въ Петербургѣ, императоръ будто бы сказалъ: «Посолъ дуракъ, но разъ онъ обѣщалъ, то надо отдать». За возвращеніе Кульджи Россіи было уплачено 12 милліоновъ. Русскія войска были выведены, а съ ними ушли въ предѣлы Россіи таранчи и дунгане, которые, опасаясь мести китайцевъ, предпочли русское подданство.

Земледѣльцы по преимуществу (самое слово таранъ означало хлѣбъ), новые русскіе подданные быстро обжились на своихъ десятидесятиныхъ надѣлахъ и превратили ихъ въ прекрасныя пашни и сады. Дунгане поселились въ тѣхъ мѣстностяхъ Пишпекскаго, Вѣрненскаго и Джаркентскаго уѣздовъ, гдѣ можно разводить рисъ, таранчи только въ двухъ послѣднихъ уѣздахъ. Дунгане занимаются, кромѣ рисоводства, огородничествомъ, извозомъ, ихъ лошади соперничаютъ съ русскими ломовиками, и содержаніемъ харчевень («ашъ-хане»), гдѣ они искусно готовятъ мѣстныя блюда. Таранчи же помимо земледѣлія занимаются охотно торговлей.

Вмѣстѣ со всѣми таранчами перешелъ въ Россію и султанъ Кебирбекъ. Близъ Вѣрнаго ему отвели особый султанскій хуторъ изъ свободныхъ земель Больше-Алматинской¹⁾ казачьей станицы. Султанъ теперь умеръ. На курганѣ стоитъ скромный памятникъ, и передъ нимъ красуется весь черный хребетъ съ Алматинскимъ пикомъ, который иногда кажется головой орла, широко раскрывшаго свои крылья. На хуторѣ живетъ сынъ султана. Уже сѣдой, онъ забылъ про давніе годы, когда его отецъ былъ главой цѣлаго племени, онъ думаетъ теперь о нынѣшнемъ днѣ, такъ какъ большая семья его испытываетъ иногда нужду. Казаки отнимаютъ

¹⁾ Алмата — мѣстное названіе гор. Вѣрнаго — означаетъ яблоню, такъ какъ Вѣрный славится чуднымъ опорто.

Окрестности города Върнаго.

землю, которая теперь нужна имъ самимъ; султановъ сынъ жалуется, споръ еще не разрѣшенъ, и судьба земли заслоняетъ у обитателей султанскаго хутора всѣ другія заботы.

Такова исторія таранчей и дунганъ, описаніемъ бытовой обстановки которыхъ будутъ заняты наши очерки.

II.

Въ селеніяхъ таранчей.

Первое таранчинское селеніе, въ которое мы направились, было Жанишары (Алексѣвка). Оно лежитъ въ бассейнѣ рѣки Талгаръ, верстахъ въ 30-ти отъ города Вѣрнаго. Въѣзжая въ длинную улицу, мы не знали, гдѣ будетъ наша стоянка. Земской квартиры не было, а останавливаться у волостного казалось неудобнымъ. Джигитъ нашъ Менгли-бай чувствовалъ себя гораздо лучше, чѣмъ мы, и, нисколько не смущаясь, поскакалъ впередъ объявить волостному о приѣздѣ чиновника изъ Петербурга — послѣднее для усиленія ранга. Волостной съ писаремъ вышли навстрѣчу, и мы скоро очутились въ гостиницѣ таранчинскаго богача. Домъ его построенъ съ окнами, въ стилѣ обыкновенныхъ городскихъ домовъ (въ Алексѣвкѣ такихъ довольно много); но комнаты уже не наши. Кромѣ ковровъ на полу, частью мѣховыхъ, и круглаго стола на низенькихъ, въ четверть аршина, ножкахъ, ея убранство составляютъ висящіе на стѣнахъ выписи изъ корана (нѣкоторые подъ стекломъ, видъ ковчега, сумки, разливательная ложка, подносы, чалма и длинныя узкія полосы цвѣтной матеріи, спускающіяся по стѣнамъ до самаго полу и предназначенныя либо для закутыванія женщинъ, либо въ качествѣ утиральниковъ при многочисленныхъ обрядкахъ омовенія рукъ, что совершается по мусульманскому обычаю передъ и послѣ принятія пищи, а также во многихъ другихъ случаяхъ. По угламъ стоятъ наши высокіе столики, и на нихъ разложена посуда—чашки («кисе»), тарелки, блюда, ложечки и т. п., между прочимъ и изящный узкій кувшинъ съ тазикомъ—для омовеній.

Не успѣли мы оглянуться, какъ пришли мирабы ¹⁾ и почетный человекъ, бывшій волостной, братъ предводителя таранчинцевъ при выходѣ ихъ изъ Кульджи ²⁾—Джамаладинъ Джалилевъ. По случаю приѣзда начальства мирабы вырядились въ бѣлыя высокія чалмы, расходящіяся въ стороны посреди лба. Одинъ изъ

¹⁾ Мирабы—это выборныя должностныя лица, надзирающія за пользованіемъ водою въ селеніяхъ.

²⁾ Кульджа,—теперь уступленная Китаю, находится въ восточной части Приилійской долины и по своему положенію имѣетъ большое экономическое значеніе въ качествѣ торговаго центра.

мирабовъ, съ характернымъ лицомъ, окаймленнымъ длинной бородой, сбритой подъ нижней губой до середины подбородка, держалъ въ рукахъ махалку для мухъ, представляющую собой конскій хвостъ на раскрашенной палочкѣ.

Бесѣду нашу объ обычаяхъ пользованія водою сначала прервали киргизы, караванъ которыхъ двигался черезъ деревню, отправляясь въ горы на «джайляу» (лѣтнее пастбище). Женщины-киргизки въ сапогахъ съ уродливыми высокими повязками на головахъ пѣли печальный гимнъ въ честь умершаго «бая», который ѣздилъ съ ними прошлый годъ на пастбище.

Бай добрый, хорошій былъ человекъ,
И вотъ его нѣтъ ужъ навѣкъ.
Покинута юрта, остались однѣ
Печальныя жены на грѣшной землѣ.
Имъ радость—не радость,
А горе и зло. На сердцѣ лишь мысль,
Что не будетъ его ¹⁾.

Часовъ въ семь вечера наши мирабы замѣтно заволновались. Оказалось, что имъ надо на молитву. Одинъ изъ мирабовъ былъ муллой. Мы тотчасъ же опустили ихъ, тѣмъ охотнѣе, что устали сами.

Хозяинъ—волостной старшина—изъ уваженія къ гостямъ во время допроса стоялъ у дверей, и я съ трудомъ уговорилъ его сѣсть, но онъ взялъ стулъ все-таки къ дверямъ и сѣлъ позади другихъ. Послѣ ухода мирабовъ онъ остался пить съ нами чай; присутствіе гостя освобождаетъ отъ обязанности итти въ мечеть. Чай мы пили съ сартовскими лепешками изъ тѣста въ родѣ бубликовъ. Сидѣли на полу, подобравъ подъ себя ноги, причемъ хозяинъ не ѣлъ ничего, пока ему не предлагали мы.

Послѣ вечерняго чая по моей просьбѣ хозяинъ повелъ насъ по селенію, чтобы показать, какъ живутъ бѣдные и богатые. Двигалась цѣлая свита, къ которой присоединились по дорогѣ любопытные, и взрослые и, дѣти. Между прочимъ, по дорогѣ волостной разрѣшилъ интересный въ бытовомъ отношеніи споръ киргиза съ таранчинцемъ.

Еще когда мы пили чай, въ комнату вошелъ обтрепанный, несчастный на видъ киргизъ и жалобнымъ голосомъ, протягивая впередъ ладони, сталъ о чемъ-то просить. Несмотря на всю жалость, которую внушала фигура этого челевѣка, нельзя было удержаться отъ смѣха при видѣ того ужаса, который изобразила его фizioномія, когда онъ узналъ, что здѣсь русскіе чиновники,

¹⁾ Пѣніе въ честь умершихъ продолжается въ теченіе цѣлаго года по три раза въ день. Поюція женщины обыкновенно разнообразяютъ содержаніе пѣсни, но безконечнаго разнообразія, конечно, быть не можетъ и складывается типъ, который мы и проповали передать вольными стихами.

что волостного нѣтъ и что ему приказываютъ садиться къ столу. Опасаясь какого-нибудь подвоха, онъ дрожалъ и не хотѣлъ идти, и я приказалъ джигиту взять его за руку и усадить къ столу. Выпучивъ глаза, онъ пилъ чай и обгрызалъ кусокъ сахара, все не понимая, куда онъ попалъ. Тогда я приказалъ разузнать, что ему нужно. Оказалось, что какой-то таранчинецъ угналъ его барана во время перекочевки черезъ селеніе. Я позвалъ волостного и предложилъ ему немедленно распорядиться относительно возвращенія барана. Киргизъ уѣхалъ, и когда черезъ полчаса мы проходили по деревнѣ, волостной уже лично приказалъ самовольно захватившему барана таранчинцу отдать его хозяину, и киргизъ, возстановленный въ своихъ правахъ, уѣхалъ догонять караванъ.

Мы зашли въ домъ бѣдняка. Это уже настоящая таранчинская постройка. Все сдѣлано изъ вязкой глины съ «чіемъ», степнымъ злакомъ, растущимъ кустиками высокой травы. Глинобитный заборъ окружаетъ дворъ, гдѣ подъ однимъ навѣсомъ стоятъ лошади, подъ другимъ помѣщаются—скотъ и люди, для которыхъ, впрочемъ, устроены мазанки подъ тѣмъ же навѣсомъ, переходящимъ непосредственно въ крышу этихъ людскихъ жилищъ. Въ мазанкѣ зимняя печь; вещей почти никакихъ нѣтъ, свѣтъ даетъ фитиль, горящій въ маслѣ и распространяющій непріятный чадъ, на полу, завернувшись въ грязное одѣяло, спали на кошмѣ обитатели дома. Я спросилъ, гдѣ женщины. Мнѣ отвѣчали уклончиво, дали понять, что лучше это выяснить по дорожѣ.

Возвращаясь, я услышалъ цѣлую повѣсть, напоминающую давно прошедшія времена. Въ округѣ царить бѣглый каторжникъ, таранчинскій разбойникъ—Оноятъ. Напрасны были попытки его изловить; вооруженный, съ шайкой помощниковъ—онъ неуловимъ и вездѣ вселяетъ страхъ, дѣйствуя безъ промаха, безъ неудачъ. Онъ грабитъ имущество, крадетъ женъ, ночуетъ, гдѣ хочетъ, и сила его вліянія и власти гораздо выше, чѣмъ у любого административнаго лица. Въ домѣ, куда мы заходили, разыгралась тяжелая драма. Тамъ жилъ двоюродный братъ моего арабакешки (подводчика), который участвовалъ въ облавѣ на Оноята. Въ отместку разбойникъ зарѣзалъ его, отнялъ жену и оставилъ сиротъ-дѣтей. Они-то и спали на полу. А за хозяина и опекуна остался бѣднякъ, который смотреть за домомъ.

Мы подошли къ помѣщенію, которое занималъ богатый казій (судья). Получая въ свою пользу 10 процентовъ съ cadaго дѣла, судья, кромѣ того, занимается торговлей и земледѣліемъ и живетъ широко, постоянно принимая гостей изъ города и окрестностей. Чтобы развлечь насъ, онъ пригласилъ музыкантовъ—дутара и сатара. (Такъ называются два струнныхъ инструмента, играющіе на которыхъ обыкновенно одновременно и поютъ, а спеціальныя танцоры подъ ихъ музыку и пѣніе танцуютъ).

Домъ сарга-торговца въ кишлакъ Хумсанъ.

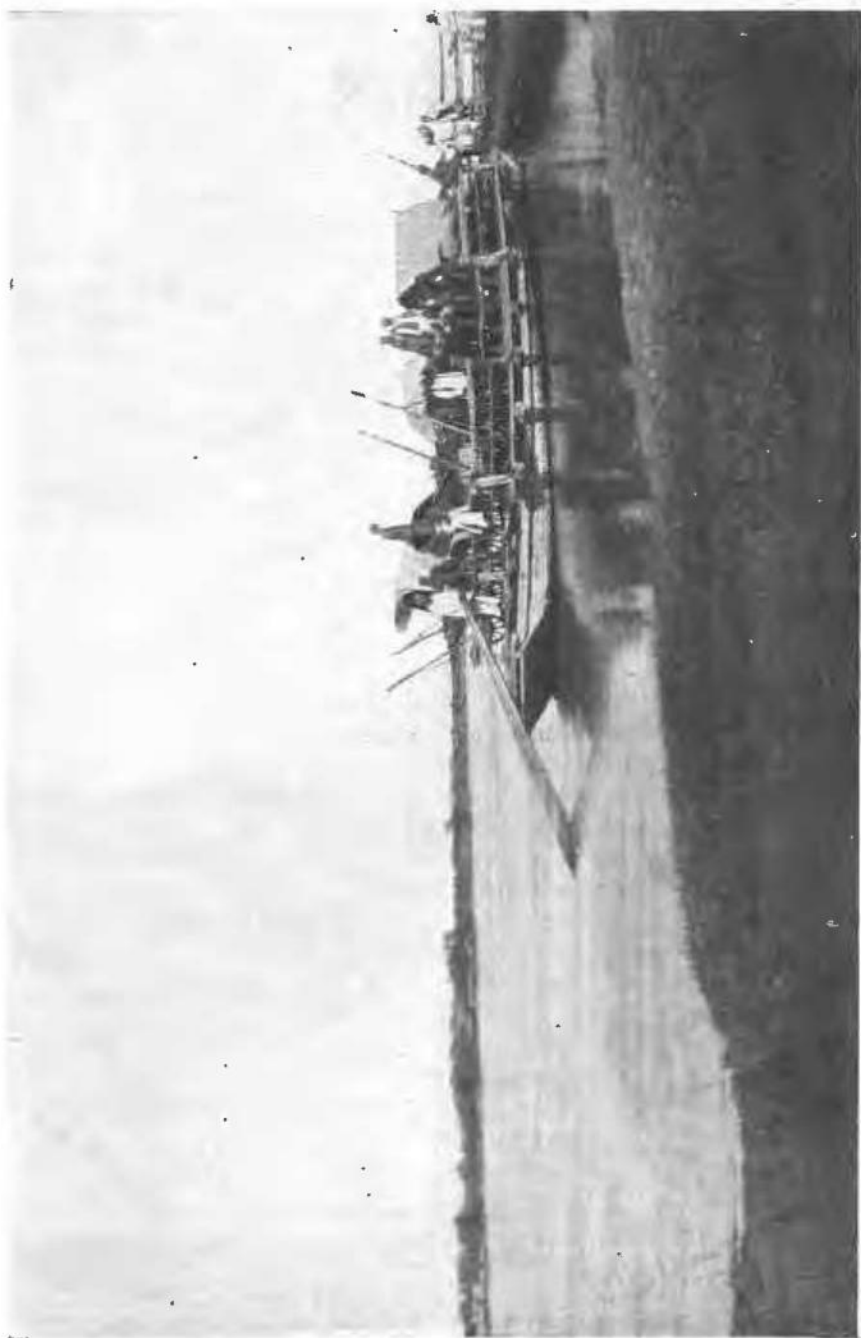
Дутаръ, со струнами изъ воловьихъ жилъ, сатаръ—съ проволочными. По формѣ они похожи на мандолины, но съ очень длинными ручками. Нельзя сказать, чтобы инструменты эти были музыкальными, но и пѣніе и игра имѣютъ много оригинальнаго. Было уже поздно, и мы поспѣшили выпить чай, непремѣнное угощеніе въ каждомъ домѣ, отъ котораго отказываться нельзя, чтобы не обидѣть хозяина. Къ чаю казіи подали конфеты изъ города и особое сладкое, мучнистое печенье. Это покупное угощеніе характерно для торговаго человѣка, часто бывающаго въ городѣ.

Пока мы пили чай, въ открытое окно налетѣли жуки, мухи, которыхъ здѣсь видимо-невидимо, и даже летучая мышь. Такіе посѣтителы еще болѣе ускорили нашъ уходъ.

На другой день, до и послѣ окончанія опроса, для котораго была составлена программа, я гулялъ по деревнѣ въ сопровожденіи своего джигита и подводчика. У каждого дома лежитъ кизикъ (земляной кирпичъ), идущій на постройки, вездѣ вѣяли пшеницу, въ каждомъ дворѣ видны были подъ навѣсомъ кошмы, въ которыхъ принимаютъ гостей, спятъ, обѣдаютъ и т. д., проводя все нетрудовое время. Былъ я и въ саду у Джамаладина Джалилева, который давалъ мнѣ отвѣты наканунѣ. У него бесѣдки изъ винограда, откуда прелестный видъ на горы. Изъ спѣлыхъ фруктовъ были только бѣлая и розовая китайская вишня, отличающаяся отъ обыкновенной и видомъ и вкусомъ. Ходили и за деревню, гдѣ я осматривалъ устройство «жирмея»—мельницы, приводимой въ движеніе водой. Вода течетъ внизъ по желобу и, падая на спицы колеса, силой своего теченія сообщаетъ ему вращательное движеніе, а колесо крутитъ уже жерновъ въ деревянномъ сараѣ, устроенномъ надъ водой и колесомъ.

Уже въ Жанишарахъ у меня возникла симпатія къ таранчинскому населенію, отличающемуся домовитостью, хозяйственностью, большимъ трудолюбіемъ. Въ ихъ домахъ и снаружи и внутри много опрятности и вкуса, въ ихъ садахъ и пашняхъ много любви къ землѣ и труду. Слѣдующія посѣщенія таранчинскихъ селеній дали возможность увидѣть ихъ во время развлеченій и во время молитвы, за работой и во время отдыха, и первое хорошее впечатлѣніе только усиливалось.

Въ слѣдующемъ таранчинскомъ селеніи, Ташты-Карахъ, мы уже не стѣсняясь заѣхали къ казію (старшины не было). Онъ встрѣтилъ насъ у воротъ, безъ шапки, съ испуганной фивіономіей. Того достатка, который мы видѣли у должностныхъ лицъ Жанишаръ, здѣсь не было. Только что отстроенный новый домъ ничѣмъ не былъ украшенъ внутри. Земляныя стѣны остались не выбѣленными, потолокъ и полъ тоже. Это была гостиная. Лѣтнимъ помѣщеніемъ казія служилъ высокій глиняный полъ подъ навѣсомъ, непосредственно примыкавшимъ къ крышѣ. Въ этомъ полу устроенъ

Переправа на паромъ черезъ рѣку Или.

и котель для приготовленія пищи. Зимнее помѣщеніе, оно же женская половина, имѣетъ отдѣльный ходъ, который выходитъ не на дворъ, а подъ навѣсъ для скота.

Передъ отъѣздомъ насъ угостили прекраснымъ «палау»¹⁾ и особымъ сортомъ пельменей, начиненныхъ молодымъ лукомъ и сильно сдобренныхъ краснымъ перцемъ. Потомъ хозяинъ повелъ насъ осмотрѣть его зимнее помѣщеніе. Здѣсь уже не было европейскаго духа, какъ въ домахъ Жанишаръ,—стиль создается своеобразными окнами и каминомъ. Въ стѣнахъ сдѣланы кубическіе вырѣзы, которые симметрично расположены и одни служатъ въ качествѣ оконъ и вмѣстѣ полокъ для припасовъ, другіе—замѣняютъ шкапы и комоды и набиты цвѣтными одѣялами и подушками, такъ аккуратно сложенными, что они украшаютъ стѣны, какъ обои. Въ другихъ домахъ въ этихъ вырѣзахъ помѣщаются и сундуки. Надъ вырѣзами (нишами и амбразурами) висятъ красиво обрѣзанныя, деревянные дощечки, какія ставятъ на русскихъ избахъ. Стекла замѣнены трафаретными ставнями. Каминъ имѣетъ форму сигары, прижатой къ стѣнѣ, и напоминаетъ декадентскія печки въ новыхъ петербургскихъ домахъ.

Показывали намъ и первый домъ, построенный по выходѣ изъ Кульджи. Это памятникъ той бѣдности, которую принесли съ собой таранчи изъ Китая.

Съ Кульджей у нихъ сохранилось много связей, но китайцевъ они не любятъ, какъ грязный народъ, что особенно противно мусульманамъ. «Китаецъ цѣлый годъ обтирается одной и той же грязной тряпкой, которую мочить въ водѣ», рассказываютъ съ брезгливостью чистые таранчи.

Домъ, построенный по выходѣ изъ Кульджи, чрезвычайно бѣденъ: низкій потолокъ, меньше сажени, маленькія отверстія для оконъ подъ самой крышей; къ стѣнѣ, обращенной къ западу, откуда большею частью проносится вѣтромъ дождь, навалена куча земли и навоза и украшеніемъ комнаты—она одна и составляетъ весь домъ—служатъ тѣ же амбразуры съ коврами и деревянной рѣзьбой, вишащей въ видѣ бахромы надъ маленькими отверстіями оконъ.

Братъ казія—мулла, онъ же столяръ. Мы осмотрѣли и его домъ, того же типа, что и прежніе. У него хорошій садъ и огородъ съ каунами (дынями) и кабаками ²⁾

У муллы мы застали въ домѣ жену и дочь, послѣдняя очень хорошенькая брюнетка. Мать запретила ей выйти вмѣстѣ съ нами въ садъ, и она выглядывала украдкой изъ окна. Мулла живетъ своимъ

¹⁾ Палау—любимое блюдо сартовъ, оно называется у насъ пилавъ. Это баранина съ рисомъ, въ которомъ для вкуса жарится морковь. Иногда кладутъ еще «урукъ»—сушеные абрикосы.

²⁾ Названія родственныя малороссійскимъ.

Видъ горной щели въ Заилійскомъ Алатау.

ремесломъ плотника. Онъ самъ работаетъ и для мечети, созданной трудами и приношеніями прихожанъ. Жалованья онъ не получаетъ, а дѣлаетъ сборы приношеній по пятницамъ во время богослуженія въ мечети. Муллы деревенскіе далеко не свѣдущія лица. Мнѣ не могли они даже объяснить, почему у нихъ празднуется пятница.

Заслуживаетъ упоминанія та рѣдкая старательность, съ какой таранчи устранивають бесѣдки, разводятъ цвѣты, сады и огороды. Это земледѣльцы по призванію, любящіе землю, умѣющіе ею пользоваться. Бѣдняки, между прочимъ, сохраняютъ зерно въ простыхъ ямахъ, заваленныхъ соломой. Земля даетъ имъ хлѣбъ, служить матеріаломъ для построекъ, и она же хранитъ зерно.

Слѣдующая стоянка наша была въ сосѣдней деревнѣ—Ташкенбай-сазъ. Не успѣли мы попрощаться съ проводившими насъ за деревню хозяевами, какъ очутились въ новой деревнѣ. Здѣсь мы остановились у помощника старшины. Кстати сказать, чѣмъ дальше отъѣзжаешь отъ Вѣрнаго, тѣмъ населеніе становится болѣе дикимъ. Здѣсь за нами ходили прямо толпы и намъ пришлось перезнакомиться со всеми почетными людьми. Такъ какъ близко отъ Ташкенбай-саза находится селеніе Баубекъ, то мы съѣздили туда верхомъ. Тамъ у веселаго казія собралось человѣкъ 17, въ присутствіи которыхъ я и произвелъ опросъ. Мнѣ даже понравилось присутствіе многихъ лицъ, которыя провѣряли даваемые мнѣ отвѣты. Послѣ опроса былъ неизбѣжный чай, а затѣмъ хозяинъ устроилъ танцы. Танцевали сыновья казія и самъ казіи, который выдѣлывалъ ногами прямо камаринскія штуки и подъ конецъ даже сталъ на голову. Музыка, пѣніе, танцы вскружили всемъ голову—быстрая ѣзда верхомъ способствовала оживленію. Когда я заносилъ въ записную книжку впечатлѣнія и между прочимъ полученныя мною свѣдѣнія объ именитыхъ и образованныхъ таранчахъ, казіи попросилъ меня занести въ списокъ и его имя, такъ какъ онъ «тоже хорошій» человѣкъ. Его зовутъ Сапаръ Рагимбакиевъ. Это богатый независимый таранчинецъ, который не считается со стѣсняющими свободу обычаями. Когда мы уѣзжали, онъ взялся познакомить насъ съ женами. У него ихъ двѣ, и для каждой построены отдѣльные дома. Удивленная, скорѣе смущенная толпа таранчей осталась на улицѣ, а мы пошли въ женское помѣщеніе. Женъ казія не было. На диванѣ лежала молоденькая невѣстка его. Когда мы вошли, она проснулась, затрепетала отъ неожиданности, встала на ноги и, прижавшись къ стѣнѣ, потянулась, какъ граціозное животное, воплощающее въ себѣ нѣгу и страсть. Не желая злоупотреблять гостепріимствомъ казія и ставить его въ неловкое положеніе, я сейчасъ же вышелъ, сохранивъ мимолетное впечатлѣніе отъ той дикой привлекательной красоты, которую воспѣвали Пушкинъ, Лермонтовъ и особенно Байронъ. Изящное сложеніе, маленькія ножки,

Мечеть вь Джаркентъ.

почти покрываемыя длинными красными панталонами, черные глаза, оттъбненные сросшимися нитями бровей, узкое личико и бѣлый платокъ на темной головкѣ съ двумя косами (дѣвушки носятъ чепцы)—все это мнѣ хорошо запомнилось.

Быть можетъ, эта искусственная стыдливость женщинъ, скрывающихся за деревьями, убѣгающихъ съ улицы въ домъ, дѣлаетъ ихъ болѣе соблазнительными для мужчинъ, фантазія которыхъ раскрашиваетъ дѣйствительность. Но у меня отъ мимолетныхъ впечатлѣній осталось много поэтическихъ образовъ отъ пестрыхъ бабочекъ, украшающихъ таранчинскіе дома.

Въ Ташкенбай-сазѣ ко мнѣ явился представиться интересный типъ—Садыръ Кадыровъ. Онъ служилъ у губернатора и получилъ отъ него похвальный листъ, потомъ у Пантусова¹⁾ и получилъ свидѣтельство о своихъ способностяхъ, потомъ поработалъ для Краснаго Креста, несомнѣнно, изъ-за медали, которую не преминулъ показать мнѣ. Онъ живетъ хорошо, видно, что бывалъ въ городахъ; у него много посуды, есть городскіе сухари, а на стѣнкахъ висятъ всѣ его «листы», только почетный халатъ остался въ городѣ.

Когда вечеромъ у хозяина была устроена томаша (пѣніе, музыка и танцы), Кадыровъ подъ шумокъ попросилъ меня принять его на службу, если не въ этомъ году, то въ будущемъ, и дать ему какое-нибудь свидѣтельство или халатъ слѣдующаго разряда. Чтобы больше понравиться, онъ подарилъ мнѣ книжку, составленную Пантусовымъ, «Пѣсни таранчей»; брошюра эта бѣдна содержаніемъ и составлена неинтересно.

Танцы были тѣ же, что и у казія. Большое оживленіе внесъ танецъ мужчины съ женщиной (тоже мужчина, переодѣтый). Этотъ танецъ изображалъ ухаживанье одного за другимъ. Женщина вытирала лицо мужчины, потомъ они цѣловались, и все время мужчина ловилъ женщину, какъ въ лезгинкѣ—встрѣчался и расходился, какъ во многихъ нашихъ танцахъ. Смотря на эти танцы, я видѣлъ, что въ нихъ подкупающей чертой является изображеніе жизни и характера народа, а также возможность фантазіи. Таковы и другіе національные танцы: лезгинка, венгерка, казачокъ, мазурка, которые нельзя сравнивать съ монотонными и скучными нашими балльными танцами, гдѣ все дѣлается по заученному. И понятно увлеченіе кэкъ-уокомъ и матчишемъ, которые, являясь пародіей на половыя темы, уводятъ насъ въ другую крайность.

Попробую передать одну изъ таранчинскихъ пѣсней:

¹⁾ Н. Н. Пантусовъ долго служилъ въ областномъ правленіи Семирѣчья и славился, какъ знатокъ языка и быта таранчей. Онъ скончался въ прошломъ году на Кавказѣ. Пантусовъ издалъ нѣсколько брошюръ, съ переводомъ пѣсней таранчей, игръ ихъ и заклинаній анахарей. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ онъ сообщаетъ нѣкоторыя историческія данныя.

Видъ туземнаго кишлака.

У меня была пара гнѣдыхъ,
Пара добрыхъ, горячихъ коней.
Я любилъ лошаденокъ своихъ,
Мчался я по простору полей.—

Проѣзжая въ деревнѣ одной,
Любовался своей я арбой
Да конями своими гнѣдыми,
Быстроногими и дорогими.

Я не помню, какъ случай случился,
Что невесель домой воротился,
Что про коней своихъ я забылъ,
И въ деревню ту зачастилъ.

Я и ѣздилъ туда и ходилъ,
Вдоль ограды одной все бродилъ,
Все дѣвчонку красивую ждалъ¹⁾,
Что однажды въ селѣ увидалъ.

Нѣтъ ужъ больше моихъ лошадей,
И ничуть не тоскую по нимъ,—
Пару добрыхъ и быстрыхъ коней
За жену я отдалъ, какъ калымъ.

Не ношусь я уже по полямъ,
Вперегонку съ степными вѣтрами,
Я работаю цѣлыми днями,
Для жены я свободу продамъ.

Двое есть у меня сыновей,
Двое славныхъ, красивыхъ ребятъ,
Но не вижу ихъ нѣсколько дней,
Что-то дома они не сидятъ.

Вотъ еще одна пѣсня, уже не веселая, а заунывная, пѣсня
старыхъ, а не молодыхъ:

Вотъ опять знакомыя, все родныя лица,
Словно вновь родился, домой возвратившись,
Такъ легко, привольно, сердце веселится,
Что домой вернулся, Меккѣ поклонившись.

Далеко отъ милыхъ родныхъ и знакомыхъ,
Какъ былинка въ полѣ, одинокимъ былъ я,
Тосковать по дому въ мѣстахъ не привольныхъ,
Гдѣ пески и камень, нѣтъ жилья людского.

Смотрѣть на томашу собралась масса народа; такъ какъ въ домѣ
было тѣсно, то ее устроили на дворѣ, и почетные зрители располо-
жились на призьбѣ, подъ навѣсомъ, которая, какъ я говорилъ,
является лѣтнимъ жилищемъ.

¹⁾ Таранчи берутъ въ жены дѣвочекъ отъ 11 лѣтъ; до перехода въ Россію они, по
примѣру китайцевъ, брали въ жены только созрѣвшихъ дѣвушекъ, лѣтъ 17 и старше.

На другой день мы объѣхали бахчи (огороды), гдѣ очень аккуратно проведены канавки для воды и корни вьющихся растений находятся у краевъ канавокъ, а растенія направлены внутрь грядки. Потомъ побывали въ саду, гдѣ больше всего знаменитыхъ семирѣченскихъ яблокъ. Виноградъ здѣсь не растетъ. Въ сады допускаются всѣ желающіе и такъ какъ ихъ надѣляютъ фруктами, то ночныхъ кражъ и связанной съ ними порчи деревьевъ не бываетъ. Смотрѣлъ я и на поливъ пашень, совершаемый очень старательно.

Постройка дома.

Была пятница—майранъ—и къ 12-ти часамъ сопровождавшій насъ хозяинъ предложилъ отправиться въ мечеть. Самъ онъ поспѣшилъ домой за чистой чалмой, а мы отправились къ мечети. Немного позже 12-ти часовъ на крышу ея взошелъ азанщикъ и громко сталъ произносить молитву, созывающую правовѣрныхъ. Грамотные имѣютъ ту привилегію, что молятся и раньше 12-ти. Остальные по окончаніи призывной молитвы, замѣняющей для мусульманъ нашъ благословеніе, входятъ всѣ въ мечеть въ бѣлыхъ чалмахъ и выстраиваются въ стройные ряды. У порога мечети заперстрѣли снятые съ ногъ «кебисы» (опорки). Мы стали у окна. Въ мечети воцарилась гробовая тишина. Вотъ всѣ упали на колѣни и преклонили головы къ землѣ. Снова встали, и имамъ медленно взошелъ на возвышеніе и сталъ читать на арабскомъ языкѣ понятную лишь немногимъ молитву.

Онъ кончилъ. Снова тишина. Правовѣрные успѣвають только переходить съ заднихъ рядовъ въ передніе—почетнымъ лицамъ неудобно стоять позади. Тишину прерываютъ молитвы, читаемыя помощниками имама, младшими муллами. Одновременно эту же молитву повторяетъ какой-то, видно, грамотный старикъ, стоящій на противоположномъ концѣ. Официальная часть кончена. Имамъ произносить рѣчь. «Царь, — говоритъ онъ, — заботится о насъ, посылаетъ сюда чиновниковъ (рѣчь къ случаю), чтобы узнать, какъ мы живемъ. Онъ далъ намъ землю и устроилъ насъ, а мы ничего ему не дали, такъ будемъ же по крайней мѣрѣ за него молиться», и всѣ собравшіеся провозглашаютъ здравицу за царя. Раздается рыданіе. Я съ удивленіемъ вижу фizioномію, на которую и ранѣе я обратилъ вниманіе, какъ на жуликоватую и хитрую. Что это—истерика или симуляція? Вѣрнѣе, послѣднее. Азіаты любятъ такіа искусственныя драмы.

III

На озерѣ Иссыкъ.

Таранчинское селеніе Ташкенбай-сазъ, о пребываніи въ которомъ только что шла рѣчь, находится въ бассейнѣ рѣки Иссыкъ, получающей начало въ озерѣ того же имени. Быть въ Семирѣчьи и не поѣхать на это озеро, которое славится своей красотой, было бы большой ошибкой, тѣмъ болѣе, что тамъ можно было найти киргизовъ для опроса. Поэтому мы, нанявъ дунганскихъ лошадей, которыя, какъ сказано выше, извѣстны своей силой, отправились на это озеро.

Въ станицѣ Надеждинской, по мѣстному—Иссыкъ, мы закусили въ харчевнѣ, по мѣстному называемой «ашъ-хане». Насъ завезъ туда проводникъ-дунганинъ, чтобы показать, какъ готовятъ и ѣдятъ его единоплеменники. Дунгане—совсѣмъ китайцы на видъ, но только безъ косъ. Ихъ фizioноміи, ко всему равнодушныя, удивительно спокойныя, крутились въ харчевнѣ за приготовленіемъ лапши. Харчевня снаружи напоминаетъ деревянный сарай. На деревянномъ прилавкѣ разставлены заманчивыя для туземцевъ блюда, внутри за примитивнымъ столомъ съ аппетитомъ уплетается палочками лапша и съ ней рубленое мясо. Палочки работаютъ не хуже вилокъ и ножей, и лапша, тутъ же ловко сворачиваемая, кушается не безъ удовольствія.

Къ озеру мы добрались не безъ препятствій. Это роскошное дитя горъ и ледниковъ нашло себѣ волшебную колыбель въ красивомъ ущельѣ, въ которое нелегко подняться.

Такія озера, какъ Иссыкъ, встрѣчаются во множествѣ въ южныхъ Альпахъ подъ названіемъ «итальянскихъ». Образуются они изъ воды, стекающей отъ таянія снѣга и ледниковъ. Особенность

ихъ и особенность чарующая состоитъ въ замѣчательномъ темно-зеленомъ цвѣтѣ воды, которая пріятно гармонируетъ съ зеленою крутыхъ береговъ, создавая неизгладимые изъ памяти прелестные виды.

Озеро Иссыкъ лежитъ въ котловинѣ, образованной высокими горами. По пути къ нему насъ сначала задержалъ переѣздъ черезъ горную рѣчку безъ моста, что по свойству береговъ и каменистаго дна было нелегко, послѣ этого переѣзда пришлось версты четыре проѣхать верхомъ по крутой тропинкѣ, усыпанной острой дрсвой

Туземная мельница.

(такъ называется здѣсь мелкій камень). Многія вещи пришлось сдать на храненіе пасѣчнику вмѣстѣ съ телѣгой и хомутомъ.

Когда мы, наконецъ, достигли озера, чудный цвѣтъ его воды сразу доставилъ намъ такое удовольствіе, что мы долго не могли оторваться отъ представившейся картины.

Однако надо было устроиться для отдыха, такъ какъ подъемъ къ озеру всѣхъ утомилъ. Мы отправились въ киргизскій аулъ, который расположился у самого озера. Хозяиномъ аула, вѣрнѣе, старшимъ въ пяти юртахъ, стоявшихъ на берегу озера, оказался очень молодой киргизъ. Онъ младшій изъ братьевъ, женился только послѣ смерти родителей, а такъ какъ старшіе братья выдѣлились, то онъ получилъ весь оставшійся отъ отца скотъ съ обязанностию кормить

мать и сестру. Если эти обязанности не трудны сами по себѣ, то выгода, какую принесла нашему киргизу сестра, сдѣлала эту обязанность прямо пріятной. За свою красивую сестру онъ получилъ 700 рублей отъ засватавшаго ее жениха (калымъ). Такимъ образомъ, нашъ хозяинъ былъ довольно богатъ. Когда вечеромъ мы разговорились съ хозяиномъ, оказалось, что у него 460 овецъ, 100 лошадей и 20 быковъ. Если перевести это все на единицу оцѣнки, на барановъ, то получится около 1500 барановъ, что составляетъ на деньги 10—12 тысячъ рублей.

Сестра хозяина, какъ невѣста, сидитъ въ пестромъ платкѣ съ яркими цвѣтами и въ кацавейкѣ поверхъ бѣлаго платья. Этотъ богатый для киргизки нарядъ завершался сапогами, сверхъ которыхъ надѣты были вмѣсто кебисовъ глубокія галоши. Жена хозяина была тоже очень недурна собой, но одѣта скромнѣе. Такія миловидныя киргизки попадаются рѣдко. Характерно, что молодая жена хозяина не смѣетъ еще входить въ главную юрту, такъ какъ это право пріобрѣтается только черезъ годъ послѣ дня свадьбы. Въ общемъ мы проводили время въ компаніи довольно милой. Однако, словно нарочно, въ этомъ же аулѣ была сифилитичка, носъ у нея провалился, голосъ гнусавый, и своимъ безобразіемъ она отгѣняла миловидность первыхъ.

Несмотря на зажиточность, хозяева наши обнаружили много дикости. Такъ, напримѣръ, имъ до того понравилось мыло, что красавицы не пропускали насъ иначе, какъ со словами «сапонъ», «сапонъ» (мыло), а когда мы дали имъ помыть руки, то и мужчины и дѣти сдирали другъ у друга мыльную пѣну. Пришлось къ денежной платѣ за постой прибавить натуральную плату—мыломъ.

На второй день послѣ пріѣзда мы, къ большому неудовольствію джигита, которому пришлось сопровождать насъ, рѣшили обойти озеро пѣшкомъ. Задача эта оказалась нелегкой. Горы были такъ круты и высоки, что спустя часъ—полтора мы уже отдыхали на каждомъ поворотѣ тропинки. Берегомъ идти нельзя, такъ какъ онъ большей частью отвѣсенъ; поэтому, чтобъ обойти большое озеро, надо подниматься и опускаться, карабкаясь по высокимъ горамъ. Зато какая волшебная картина представилась съ одной изъ самыхъ высокихъ стоянокъ! Направо, внизу лежитъ, какъ дно зеленого кубка, цвѣтная влага озера—изумрудная вода, какую мы не приходилось видѣть даже на морѣ. Только въ Севастопольской бухтѣ было нѣчто подобное, но здѣсь особенно красивый и яркій цвѣтъ и особенный темно-зеленый оттѣнокъ. Дальше, за озеромъ, послѣ небольшого сравнительно холма, опускается горная щель, по которой мы пріѣхали и, извиваясь въ ней, бѣжитъ водопадъ, переходящій въ рѣчку Иссыкъ, воды котораго идутъ, такимъ образомъ, изъ озера и изъ него несутъ ту самую драгоценную

Озероъ Иссѣкъ-Куль.

для полей влагу, пользование которой мнѣ приходилось изучать. Еще дальше сѣрѣетъ равнина, уходящая далеко, далеко, такъ что горизонтъ опускается Богъ знаетъ гдѣ. Взглянемъ налѣво—и тутъ глубокая долина, на днѣ которой шумитъ потокъ. Это течетъ вода изъ другого горнаго озера, заходящаго еще дальше и почти недоступнаго по трудности пути. А обѣ стороны щели покрыты роскошными елями, среди которыхъ сѣдѣютъ каменистыя лысины и устремляются внизъ застывшіе потоки камней. Надъ головою недосигаемыя громады, противъ васъ видны снѣга, и, несмотря на всю высоту положенія, съ котораго бродящіе внизу лошади кажутся мошками, еще очень далеко даже до тѣхъ вершинъ, которыя видимъ, а за ними скрываются еще болѣе высокія. Спустившись со своей высоты, мы до того устали, что, если бы не казаки, которые перевезли насъ на лодкѣ къ аулу, пришлось бы ночевать въ долинѣ. Совершить снова весь пройденный раньше путь мы не успѣли бы.

Лодку, на которой мы переѣзжали, велѣлъ спустить на озеро губернаторъ Іоновъ, очень любившій Иссыкъ. Когда мы хотѣли покататься на этой лодкѣ, оказалось, что ее унесло отъ берега вѣтромъ, и мы не могли ее найти. Казаки же отыскали и, съ большимъ трудомъ спустившись къ ней по обрывистому берегу, поѣхали на ней за оглоблями, которыя они сдѣлали въ лѣсу. Вмѣстѣ съ оглоблями переѣхали и мы.

Хорошо запомнивъ вершину, на которую мы взбирались, когда ходили пѣшкомъ, я отыскалъ ее глазами послѣ того, какъ, возвращаясь въ равнину, мы спустились внизъ съ горъ и отѣхали верстъ на 10. И что же? Моя вершина не была даже на половинѣ всей горной громады и скромно терялась въ извилинахъ горнаго массива. А между тѣмъ и съ нея открывался чудный видъ, и аулъ, въ которомъ мы оставили вещи, казался муравейникомъ. Какъ же великолѣпно было бы зрѣлище, если бь достигнуть царства ледниковъ!

IV.

У дунганъ.

Мой проводникъ дунганинъ, вообще очень молчаливый, очень оживился, когда я сталъ разспрашивать его, гдѣ и какъ онъ живетъ. Оказалось, что селеніе, гдѣ находится его домъ, «нелегальное». Какъ это можетъ быть? Селеніе нелегальное потому, что его существованіе официально не признается. Селеніе образовалось изъ ста дунганскихъ семействъ, перешедшихъ изъ Кульджи, а было названо Балтабай, по имени родовитаго киргиза, могила котораго находится въ селеніи. Такъ какъ дунгане не захотѣли остаться въ новомъ селеніи, земли котораго оказались неподходящими для

любимаго ихъ занятія—рисоводства, и большая часть ихъ ушла, то селеніе Балтабай такъ и не попало въ офиціальныя списки и на офиціальную карту. Между тѣмъ къ оставшимся 20—25 семействамъ дунганъ приселились таранчи, и селеніе зажило, уютно и сытно устроившись на кульджинскомъ торговомъ пути.

Жители селенія развели прекрасныя сады и огороды. Съ особой любовью они устроили сплошныя бесѣдки изъ поднятаго и пущеннаго вверхъ по переплету изъ прутьевъ винограда, и въ садахъ ихъ можно найти и персики, и яблони, и груши, и много другихъ плодовъ и ягодъ, а въ огородахъ—все прелести богатаго юга:

Муллы на молитвѣ.

и синіе баклажаны, и перцы, и арбузы съ ихъ нѣжными подругами дынями, и яркія головки мака.

И вотъ въ этомъ счастливомъ селеніи вдругъ поднялась тревога. Киргизы и русскіе съ двухъ сторонъ стали тѣснить обитателей Балтабая, угрожая имъ лишеніемъ незаконно занятой земли. Объ этомъ и рассказывалъ мнѣ съ волненіемъ и негодованіемъ мой сухой и молчаливый въ другое время дунганинъ.

Разумѣется, какъ я узналъ послѣ, балтабайцы не были обижены, администрація признала ихъ существованіе, и селеніе было легализовано. Такъ не разъ приходится дѣлать въ обширныхъ степяхъ и долинахъ Азіи. Былъ случай, когда одинъ губернаторъ, кажется, тотъ же Колпаковский, который занялъ Кульджу, по-

ѣхаль осматривать Семирѣчье. Ему захотѣлось совершить экскурсію въ горы, уклонившись отъ намѣченного маршрута. Каково же было удивленіе губернатора и его свиты, когда въ одной горной долинѣ передъ глазами ихъ предстало цѣлое селеніе. «Это что?» спросилъ губернаторъ, и оказалось, что незадолго сравнительно до поѣздки губернатора эту долину облюбовали хохлы, по инстинкту шедшіе изъ Томской губерніи все на югъ и на югъ, пока не нашли для себя благодатнаго теплаго и богатаго края. Селеніе это, конечно, осталось существовать.

Возвращаясь, однако, къ дунганамъ. Мнѣ пришлось попасть въ одно изъ чисто дунганскихъ селеній. Конечно, наиболѣе интереснымъ былъ осмотръ огородовъ, которые являются образцомъ китайскаго земледѣлія. Огороды расположены были непосредственно за домиками, каждая грядка тщательно расчищена и отдѣльно поливается маленькой канавкой. Одинъ квадратикъ занятъ лукомъ, другой перцемъ, третій синими баклажанами, четвертый картошкой, пятый и шестой унавожены и оставлены для отдыха, далѣе идутъ грядки съ майсомъ, а за ними тянутся большіе прямоугольники съ рисомъ, на половину растущимъ въ водѣ. Съ одного участка вода стекаетъ въ другой и потому не разводится гнили. Чтобы вода сливалась не сразу, участки огорожены съ четырехъ сторонъ маленькими насыпями, а для стока воды остается небольшое отверстіе въ самомъ нижнемъ углу насыпи. Эти дунганскіе огороды не хуже образцовыхъ показательныхъ полей, устраиваемыхъ агрономами для переселенцевъ.

Когда мы пріѣхали въ дунганское селеніе, мужчинъ, кромѣ подростковъ, совсѣмъ не было: они уѣхали провожать своего муллу, отправившагося въ Мекку. Жена помощника старшины, которую, по ея костюму, я назвалъ «синими штанами», приняла насъ не особенно охотно. Сначала ея круглая фізіономія съ маленькимъ носомъ и хитрыми глазами вертѣлась въ окнѣ и съ недовольнымъ видомъ сыпала скороговоркой незнакомыя слова, потомъ она открыла намъ двери, гортанный голосъ умолкъ, такъ какъ обладательница его занялась приготовленіемъ чая. Передъ глазами нашими то и дѣло мелькалъ тщательно убранный чубъ дунганки, связанный и завороченный въ черную матерію съ бантомъ и имѣвшій въ общемъ видъ рога. Эти прически нелегко дѣлать, и потому китаянки и дунганки спятъ съ ними на особыхъ подставкахъ.

Дома у дунганъ нѣсколько выше, чѣмъ у таранчей. Занимающія половину комнаты полати, во всю длину комнаты, служатъ геніальнымъ приспособленіемъ, спасающимъ отъ сырости, въ которой неизбѣжно живутъ рисоводы, и отъ грязи, которая остается въ нижней части комнаты вмѣстѣ съ кебисами. На возвышеніи происходитъ вся комнатная жизнь: на немъ ѣдятъ, спятъ и работаютъ. На стѣнахъ висятъ бумажныя китайскія картинки лубочниковъ, изо-

Семья дуганъ.

бражающія танцующихъ и сражающихся китайцевъ или яркіе цвѣты.

Превосходство дунганъ надъ другими жителями Семирѣчья чувствуется во всемъ. Они аккуратнѣе, чище, работоспособнѣе. Вотъ отчего дунганская слобода въ гор. Вѣрномъ богаче другихъ, а огороды дунганъ вытѣснили русскіе.

Что касается обычаевъ и правовыхъ воззрѣній дунганъ, то они имѣютъ нѣкоторыя отличія отъ таранчинскихъ, но въ общемъ послѣдніе характерны для обонхъ племенъ.

V.

Правовой бытъ таранчей.

Лучшими знатоками закона являются не судьи, а муллы. Судьи, кази, знаютъ жизнь и разбираютъ они житейскія дѣла по чутью справедливости, а писанный законъ, отвлеченныя нормы права знаютъ всегда лучше начитанные муллы.

Въ восточной части Вѣрненскаго уѣзда есть большое селеніе Зайцевское, по туземному Чиликъ. Здѣсь и административный и торговый центръ. Когда-то здѣсь была китайская крѣпость, развалины ея еще не исчезли съ лица земли и свидѣтельствуютъ о происшедшей здѣсь борьбѣ расъ. Здѣсь въ селеніи Зайцевскомъ, въ длинныхъ, поражающихъ чистотой и аккуратностью улицахъ, въ скрытыхъ высокими тополями домикахъ, живетъ много именитыхъ таранчинцевъ и дунганъ. Изъ нихъ у меня уже давно былъ намѣченъ мулла Изиземъ. Улучивъ свободное время, мы отправились къ нему.

Потолкавшись на оживленномъ базарѣ, полномъ яблокъ и дынь (дѣло было въ серединѣ іюля), мы скоро вышли въ одну изъ таранчинскихъ улицъ и насъ проводили къ Изизему.

Блѣдный, съ черной, довольно большой бородой, съ проникательными, долго останавливающимися глазами, средняго роста, въ бѣлой чалмѣ, онъ, несмотря на свою сравнительную молодость, внушаетъ уваженіе.

Мое посѣщеніе, видимо, смутило его. Онъ какъ разъ училъ дѣтей въ медресе, растерялся, отвѣчалъ, подобно людямъ, которые ѣмственно устали отъ непрерывной работы и потому не могутъ сразу разговориться. Я сообщилъ ему о своемъ желаніи узнать, какія священныя книги шариата содержатъ правила для разрѣшенія различныхъ жизненныхъ вопросовъ, напр., купли-продажи, аренды земли, пользованія водою.

Меня пригласили въ другой домъ. Мы прошли въ садъ и по ровной аллеѣ, обсаженной махровыми цвѣтами, приблизились къ типичной крытой верандѣ съ глинянымъ поломъ, устланномъ кашгарскими коврами. Это лѣтнее помѣщеніе устроено не при домѣ, а въ противоположномъ концѣ сада.

Черезъ нѣсколько времени принесли въ большихъ скатертяхъ груды суннитскихъ книгъ. Я попросилъ отобрать изъ нихъ главные и предпочтительно касающія житейскихъ отношеній, а не религіи, т. е. фетву. Мулла назвалъ мнѣ Парансъ, Джамиръ Рамузъ, Аламъ Гери и четыре важнѣйшихъ книги—Коранъ, Гадисъ, Ифмаи-Иммать и Кіосъ. Здѣсь, въ этихъ религіозныхъ книгахъ, завѣты нравственности переплетаются и даже скрываются за правовыми нормами, со строгой религіозной внушительностью насаждающими определенный правовой порядокъ. Здѣсь и правило—смерть за смерть,

Приготовленіе пищи.

и совѣтъ при арендѣ земли договариваться, какіе будутъ посѣвы, такъ какъ арендаторъ можетъ засѣять рисъ и заболотить землю; здѣсь правила о наслѣдствѣ, устанавливающія, что имущество переходитъ въ родъ, и правило, запрещающее продавать воду ключей, не добываемую самостоятельнымъ трудомъ изъ земли, и совѣтъ три дня думать прежде, чѣмъ продать вещь.

Погрузившійся въ свои арабскія книги, мулла ушелъ отъ жизни. У него видъ книжника—блѣдное лицо, подергивающіяся губы, какая-то нѣжность фигуры и главное—маленькія изящныя кисти рукъ съ розовыми ногтями—все это отличаетъ его отъ другихъ. Религіозные вопросы рѣшаются имъ легко, вопросы практическіе сбиваютъ его съ толку, онъ напряженно думаетъ, что и гдѣ сказано по этому поводу въ книгахъ, тогда какъ жизнерадостные его сверст-

ники, окружившіе столъ, очень быстро рѣшаютъ эти вопросы своимъ гибкимъ и привыкшимъ къ общественнымъ дѣламъ умомъ.

На другой день мулла пришелъ ко мнѣ и просилъ пересказать все, что я записалъ съ его словъ. Послѣ провѣрки и пересмотра у насъ составилъ маленькій перечень основъ правового быта та-ранчей (таково же и право сартовъ).

Въ основѣ семейнаго права лежатъ многоженство, главенство мужа и отца и покупка жены (калымъ). Если умираетъ невѣста, за которую уже заплачена часть калыма, то вмѣсто нея дается сестра. Если умираетъ женихъ, то его замѣщаетъ братъ, такъ какъ плата все равно шла изъ семьи. Жена, конечно, не имѣетъ своего имущества, дѣти, если они не выдѣлены, тоже. Поэтому имущественныя взысканія за проступки невыдѣленныхъ дѣтей ложатся на отца. Что касается усыновленныхъ, то они пользуются всѣми правами дѣтей, кромѣ наслѣдованія, а со своей родной семьей они лишаются правовой связи, но наслѣдуютъ въ ней.

Бываютъ случаи, когда зять не беретъ съ собой жену, а входитъ самъ въ домъ родителей жены. Въ такомъ случаѣ онъ не платитъ калыма и не получаетъ приданого. Зятя этого можно удалить, и все пріобрѣтенное имъ во время пребыванія въ семьѣ поступаетъ главѣ дома.

Совершеннолѣтіе наступаетъ съ 15 лѣтъ, при чемъ возрастъ опредѣляется показаніями ближайшихъ родственниковъ.

Для наслѣдованія характерны ограниченія свободы завѣщанія. Признаются обязательныя доли и родовое имущество. Свободному завѣщанію подлежатъ только треть имущества. По обычаю $\frac{1}{8}$ идетъ вдовамъ, $\frac{1}{12}$ отцу, $\frac{1}{12}$ женамъ отца, остальное дѣтямъ, при чемъ сынъ получаетъ вдвое больше дочери, а больше всего достается младшему сыну старшей жены.

Обязательственное право имѣетъ много особенностей, такъ, напр., договоръ личнаго найма дѣйствителенъ только годъ. Рабочему дается рядъ гарантій. Если его увольняютъ до окончанія срока найма безъ его вины, то онъ можетъ требовать половину условленной платы. Далѣе, время болѣзни засчитывается въ службу. Такъ какъ при натуральномъ хозяйствѣ работу найти трудно, то, чтобы обезпечить рабочаго, установилось правило, по которому для наслѣдника обязательны тѣ договоры найма, которые заключилъ его предшественникъ.

Оригинально правило, объявляющее куплю-продажу состоявшейся, когда стороны ударили по рукамъ.

Подарокъ, данный по случаю тамырства (сдруженія), долженъ быть возмѣщенъ въ теченіе года.

Наконецъ, что касается непоколебимости вещныхъ правъ, то тутъ предоставляется свобода самозащиты при попыткахъ нарушить владѣніе. Интересно еще залоговое право, по которому залогъ

Въ туземной чайной.

переходить въ собственность при неисполненіи обязательства, но если онъ будетъ проданъ до истеченія срока, то должникъ имѣетъ право получить отъ залогодержателя всю сумму, которую тотъ получилъ при продажѣ.

Таковы главныя черты гражданскаго быта таранчей. У нихъ есть, конечно, и мѣна, и проценты, и, векселя. Все это и многое другое опредѣляется обычными, мало оригинальными устоями.

Что же касается другихъ правоотношеній въ средѣ таранчей и дунганъ, соотвѣствующихъ классовымъ и сословнымъ дѣленіямъ ихъ, то эта сторона лучше всего выражается на примѣрахъ изъ жизни, которые удобнѣе всего приурочить къ біографіи одного человѣка. Несомнѣнно, самымъ выдающимся и самымъ интереснымъ изъ всѣхъ таранчей, перешедшихъ въ Россію, является Вали-Ахунъ Юлдашевъ, къ которому таранчи относятся со страхомъ и почитаніемъ, какъ относятся обыкновенно къ главѣ племени.

Живетъ Юлдашевъ въ городѣ Джаркентѣ, на рѣкѣ Усекѣ, той самой рѣкѣ, отъ которой всѣ таранчи носятъ названіе усекскихъ, такъ какъ первымъ мѣстомъ, гдѣ они осѣли въ Россіи, были берега этой рѣчки

VI.

Городъ Джаркентъ и таранчинецъ Юлдашевъ.

Джаркентскій уѣздъ занимаетъ восточную часть приліійской долины, которая соотвѣтственно теченію рѣки Или расположена какъ разъ въ серединѣ Семирѣченской области. Такимъ образомъ, Джаркентскій уѣздъ граничитъ съ Китаемъ и городъ Джаркентъ находится въ разстояніи около 50 верстъ отъ границы, такъ что здѣсь по праву пятидесятиверстной полосы безпрепятственно продаются всевозможные китайскіе товары.

Закрытый съ сѣвера высокими горами Джунгарскаго Алатау, Джаркентъ отличается очень жаркимъ климатомъ. Изъ города Вѣрнаго къ нему идетъ почтовый трактъ, требующій для переѣзда отъ двухъ до пяти дней. Можно ѣхать и иначе, по кульджинской дорогѣ, но тогда приходится переѣзжать очень пустынную мѣстность въ западной части Джаркентскаго уѣзда, гдѣ нѣтъ другихъ стоянокъ, кромѣ постоянныхъ дворовъ «бекетовъ», гдѣ мало людей, негдѣ перемѣнить лошадей, а ночевать приходится на крышахъ, чтобы избѣжать духоты и вони.

Всѣ условія: и близость китайщины, и отдаленность отъ культурнаго міра, и положеніе въ сторонѣ отъ проѣзжихъ трактовъ сдѣлали Джаркентъ типично-восточнымъ городомъ, въ которомъ, какъ всегда обособленная, русская часть кажется маленькой и случайной. Въ этомъ городѣ и свилъ себѣ гнѣздо Вали-Ахунъ Юлдашевъ.

Мы уже познакомились съ нѣсколькими представителями таранчей-аристократовъ. Былъ среди нихъ интеллигентный купецъ Джамаладинъ Джалилевъ, читающій русскія газеты и хорошо говорящій по-русски; веселый казій Сапаръ Рагимбакиевъ, у котораго по праздникамъ веселится все село; ученый мулла Изиземъ, имя котораго извѣстно далеко за предѣлами его села. Встрѣчались мы съ интриганами, которые, всякими путями наживъ деньги, добыва-

Вали-Ахунъ Юлдашевъ.

ваются власти волостного или судьи, и съ путешествовавшими въ Мекку, которые отдыхаютъ отъ дѣлъ, считая, что послѣ побѣдки они въ правѣ издали смотрѣть на всѣ мелкія жизненные дѣла. Но всѣ эти люди не выходили изъ круга своихъ единоплеменниковъ, изъ среды, въ которой они выросли и въ которой оставались хотя и первыми, но все же органически связанными членами.

Не таковъ таранчинецъ Вали-Ахунъ Юлдашевъ. Вотъ онъ сидитъ въ парчевой, отороченной мѣхомъ шапкѣ, въ орденахъ и звѣз-

«истор. вѣстн.». августъ 1911 г., т. сxxv.

23

дахъ, а по обѣ стороны стоятъ его родичи и друзья. Къ нему идетъ представляться мулла, пріѣхавшій изъ Мекки. Юлдашевъ молча сидитъ, выжидая, пока мулла подойдетъ вплотную, и тогда уже встаетъ, чтобы привѣтствовать гостя. Это картина достойная кисти художника. Вы видите типичнаго царька съ психологіей повелителя, спокойно принимающаго визиты губернаторовъ, спокойно говорящаго о томъ, что онъ уѣдетъ по дѣламъ ночью, такъ какъ иначе «народъ узнаетъ и будетъ провожать». И дѣйствительно, встрѣчаютъ и провожаютъ Юлдашева толпы народа, всѣ таранчи и дунгане изъ окрестныхъ селъ и изъ города Джаркента.

Кто же онъ, этотъ таранчинскій повелитель, и чѣмъ объясняется его вліяніе? Объ этомъ говорить преданіе.

Когда выводились изъ Кульджи русскія войска, подрядъ на перевозку ихъ взялъ Джалилевъ, братъ того Джамаладина Джалилева, съ которымъ мы встрѣтились въ самомъ началѣ очерковъ при первомъ посѣщеніи таранчинскаго селенія. У Джалилева служилъ тогда ловкій, красивый и энергичный юноша Вали-Ахунъ.

Такъ какъ Джалилевъ не могъ выдержать подряда, то Вали-Ахунъ вошелъ въ переговоры съ интендантами и перевелъ подрядъ на себя. Въ Семирѣчьи и Туркестанѣ очень популяренъ разсказъ, какъ двадцать подводъ превращались въ нѣсколько сотенъ, когда интенданты, сидя на крыльцѣ, считали проѣзжавшія мимо телѣги, а тѣ, обогнувъ кварталъ, снова и снова проѣзжали мимо контролировавшихъ чиновъ. Вали-Ахунъ сообразилъ, что, пока будетъ извѣстенъ день выѣзда войскъ, можно будетъ получать по нѣсколько рублей за сотни несуществующихъ подводъ и дѣлиться съ интендантами. Продолжалось это легкое наживаніе крупныхъ денегъ около двухъ мѣсяцевъ и когда, наконецъ, былъ назначенъ окончательный день выѣзда, у Вали-Ахуна оказалось достаточное количество денегъ, не только для того, чтобы выполнить подрядъ, но и для того, чтобы сразу же начать крупныя дѣла въ Джаркентѣ.

Онъ построилъ нѣсколько десятковъ домовъ для правительственныхъ учреждений и квартиръ чиновниковъ, открылъ колониальный магазинъ, роздалъ лишеннымъ всякихъ средствъ таранчамъ и дунганамъ деньги для обзаведенія хозяйствомъ и сталъ быстро увеличивать свои капиталы. Неграмотный по-русски, онъ обладаетъ такой колоссальной памятью, что ему не нужно никакихъ записокъ; онъ выучилъ, однако, грамотѣ дѣтей и завелъ канцелярію. Постепенно вся экономическая жизнь сѣверной части уѣзда сосредоточилась въ его рукахъ. Таранчи обучились, многіе изъ нихъ разбогатѣли, но Юлдашевъ остался главенствовать надъ ними. Они всѣ его должники, рѣдко кто изъ нихъ сознаетъ, что земля принадлежитъ не Юлдашеву, а имъ. Повсюду построены магазины-амбары, куда каждый таранчинецъ долженъ свезти половину урожая. Въ разныхъ мѣстахъ крутятся жирмеи (водяныя мельницы),

перемалывая для Юлдашева доставленное ему зерно, и затѣмъ мука идетъ на поставки джаркентскому гарнизону и въ Китай. Благодаря монополіи, Юлдашевъ повышаетъ цѣны на 20—25% и полученные доходы сейчасъ же пускаетъ въ оборотъ.

Для того, чтобы держать въ рукахъ свое сложное хозяйство, Юлдашевъ имѣетъ штатъ приближенныхъ, довѣренныхъ лицъ, которыхъ у него больше сотни, называются эти довѣренные «кокъ-башами». Въ каждомъ селеніи шныряютъ эти кокъ-баша, высматривая, кто и гдѣ нарушаетъ интересы могущественнаго ихъ хозяина. Когда собранный хлѣбъ сваливается въ кучи, кокъ-баша ударяетъ по кучѣ особой деревянной доской съ выпуклыми инициалами Юлдашева. На кучѣ отпечатывается имя Юлдашева и кучу никто уже не можетъ тронуть, такъ какъ иначе кокъ-баша, увидавъ стертую, вѣрнѣе разсыпавшуюся, печать заберетъ зерна по усмотрѣнію.

Кокъ-баша исполняютъ еще и другую роль. Юлдашевъ, понимая значеніе воды, устроилъ такъ, что почти вся вода, служащая для искусственнаго орошенія земель, находится въ его рукахъ и кокъ-баша распределяютъ воду вмѣсто выборныхъ мирабовъ. Такимъ образомъ, въ его рукахъ находится еще одно сильное средство покорять себѣ недовольныхъ и подавлять протесты.

Во время коронаціи Юлдашевъ былъ посланъ въ Петербургъ въ качествѣ представителя племени таранчей. Тамъ онъ получилъ халатъ и орденъ, а при проѣздѣ черезъ Бухару звѣзду отъ эмира. Экономическое благосостояніе Юлдашева за время его отсутствія пошатнулось и благодаря тратамъ въ Петербургѣ, гдѣ его представительность и красота создали ему успѣхъ при дворѣ, и благодаря хищеніямъ дома. Но зато упрочилось положеніе Юлдашева, какъ человѣка близкаго къ администраціи. У него стали бывать весь чиновный персоналъ Джаркента. Юлдашеву поднесли еще одинъ халатъ, на этотъ разъ китайскій губернаторъ, цзянь-цзюнь. Юлдашевъ сталъ пользоваться громадной популярностью не только въ Семирѣчьи, но и въ Кульджѣ.

Дѣла Юлдашева не всегда шли одинаково успѣшно. Онъ вздумалъ добывать золото въ Хоргоскихъ горахъ, но это предпріятіе оказалось неудачнымъ. Потомъ онъ пробовалъ установить пароходное сообщеніе по рѣкѣ Или, но и это оказалось невозможнымъ. Пошатнувшіяся было дѣла Юлдашевъ поправилъ крупными доходами по продажѣ риса и скота въ Семипалатинскѣ да еще поставками хлѣба въ Кульджу. Говорятъ, что Юлдашевъ нарочно распространяетъ и въ Семирѣчьи и въ Кульджѣ тревожные слухи о возможной войнѣ и, содѣйствуя увеличенію войскъ на обѣихъ сторонахъ, получаетъ возможность выгодно сбывать хлѣбъ. Въ Кульджѣ у Юлдашева много домовъ, большое зданіе подъ Восточно-Китайскимъ банкомъ и даже одна изъ его женъ, дочь одного изъ самыхъ ученыхъ муллъ, живетъ тамъ со своимъ отцомъ, обслуживающимъ духов-

ныя нужды кульджинскихъ таранчей. Такимъ образомъ, у Юлдашева крѣпкія экономическія связи на обѣихъ сторонахъ, и онъ легко можетъ перемѣстить центръ своей дѣятельности изъ одной страны въ другую.

Политичный, дальновидный, всегда корректный, Юлдашевъ очаровываетъ своимъ умѣніемъ держаться, но, оцѣнивая его дѣятельность, нельзя не признать, что отрицательное значеніе ея больше положительнаго. Его богатство создается за счетъ массы таранчей, которая настолько поработана экономически, что не можетъ стать прочно на ноги. Таранчи Джаркентскаго уѣзда значительно отличаются отъ своихъ единоплеменниковъ въ Вѣрненскомъ уѣздѣ. Они отвыкли работать на себя, потеряли энергію, стали лѣнны.

Когда кокъ-баши обижаютъ кого-нибудь, на нихъ нельзя найти управы. Юлдашевъ за кулисами не тотъ, что Юлдашевъ въ гостиныхъ. Онъ жестокъ и грубъ. По его приказанію, многіе были избиваемы и многіхъ онъ довелъ до нищеты. Торжественныя встрѣчи и проводы Юлдашева во многомъ зависятъ отъ присутствія въ средѣ «народа» бдительнаго ока кокъ-башей.

Сынъ Юлдашева волостной, и это тоже дѣлается съ расчетомъ, а уѣздные начальники обыкновенно друзья Юлдашева.

Все же дѣятельность Юлдашева не только отрицательная. Онъ многимъ помогаетъ, организуетъ крупныя хозяйства, проводитъ оросительные каналы, начинаетъ предпріятія, которыя могутъ имѣть важное экономическое значеніе, наконецъ, онъ построилъ мечеть, которая вмѣстѣ съ его дворцомъ въ 40 комнатъ составляетъ дѣйствительно достопримѣчательность Джаркента. Правда, злые языки говорятъ, что, построивъ мечеть, Юлдашевъ собралъ съ таранчей около 10.000 рублей и покрылъ свои расходы, но это никѣмъ не доказано.

Развивающееся въ Семирѣчѣ переселенческое дѣло скоро перевернетъ экономическую жизнь страны. Таранчи и дунгане многому научатъ русскаго переселенца, а Юлдашевъ въ лицѣ переселенцевъ получитъ новыхъ потребителей, которые дадутъ ему возможность развитъ торговлю и освободить отъ кабальной зависимости своихъ сородичей-земледѣльцевъ. Вмѣстѣ съ новыми экономическими условіями жизни измѣнится и внѣшняя обстановка таранчинскаго быта, измѣнятся и ихъ обычаи, скоро то, что здѣсь описывается, отойдетъ въ исторію, и о племени таранчей останутся только воспоминанія.

Г. Гинсь.

